

ная борьба, спрятанная за «невинными» шутками так, что журнал Чулкова читается как бы двойным образом. Можно воспринимать его просто как материал для чтения и можно раскрывать намеки автора и разгадывать его загадки. Но что уколы Чулкова попадали в цель и не оставались незамеченными, показывают хотя бы ответы на них Сумарокова.

За вычетом литературной полемики, занимающей в журнале значительное место, в нем остаются традиционные нападки на подьячих, на петиметров, на суеверия. Крестьянского вопроса Чулков не затрагивает вовсе.

Направление журнала «И то и сьо» было довольно явственно высказано автором в первой же неделе: «. . . Я пишу на произвольящего, ни о ком самолично не говорю и никого именем не называю, меряю дела аршином, так, как купцы товары и оцению их не слишком дорого, за смехом за море не езжу, а шучу около себя, вреда и убытку не наношу моему отечеству, наук не ломаю и языка нашего не порчу, таким образом опасаться меня не должно».

Чулкову чужд учительный тон, который с самого начала взяла на себя официальная «Всякая Всячина».

Чулков жалит — и иногда очень больно — современных писателей, высмеивает петиметров, суеверов, но как все это не похоже на меткие удары новиковской сатиры! «Ветренные господчики по смерти своих родителей проигрывают в карты деньги и собирают в один год по три оброка, отчего крестьяне разоряются и земли не пашут», — такое указание у Чулкова одно на весь журнал (29 неделя). А у Новикова их десятки.

Расходится он с Новиковым и во взгляде на характер сатиры, приближаясь к позиции «Всякой Всячины», требовавшей осторожности, «улыбательного духа» и устранения резких личных намеков: «В сатире описываются такие пороки, которые свойственны по большей части многим людям. Надобно весьма остерегаться, чтоб делая кому примеры не указать на того человека, которого вознамерись описывать пороки» (И то и сьо, 36 неделя).

Чулков не отваживается принять на себя «титул народного учителя» — «потому что я не достоин и сверх же того учить людей не умею, для той причины, что я и сам середка на половинке» (3 неделя). Он высмеивает автора «Поденщины» В. Тузова, которого подозревает в том, что тот намеревается «учить народ», и не одобряет ожесточенных нападков Новикова, называя их «ругательствами». Автор же, казалось Чулкову, объявил себя «врагом рода человеческого» (28 неделя). Полтика Чулкова была иная. Он уклонялся от прямого боя, говорил намеками и иносказаниями, прибаутками и пословицами.

От Новикова и Эмина его отделяет очень большое расстояние. Эмин был европейски образованным журналистом, опытным автором и переводчиком. Новиков уже в те годы горел жаждой общественного служения. Свое желание быть полезным обществу он сформулировал в предисловии к «Живописцу». Новиков секретар-